

Ф.Д. ДЖЕЙМС

P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Ухищрения
и вождедения

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James

DEVICES AND DESIRES

Перевод с английского *И.М. Бессмертной*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Ухищрения и вождения : [роман] / Филлис Дороти Джеймс ; [пер. с англ. И.М. Бессмертной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 544 с. — (Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива).

ISBN 978-5-17-106955-1

Серийный убийца — на свободе. Идеальные для него «охотничьи уголья» — пустынное побережье Норфолка, где снова и снова находят растерзанные женские тела.

Местная полиция лишь строит догадки, и тогда на поиски маньяка отправляется лондонский детектив Адам Дэлглиш, случайно оказавшийся на месте преступления. Он задает вопросы — и получает на них очень странные ответы.

Он разрешает загадку за загадкой, но каждая влечет за собой новые тайны...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 1989
© Перевод. И.М. Бессмертная, 2003
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-106955-1

Отче наш, Всемогущий и Всемило-
стейший! Мы грешили; мы сбивались с ука-
занного Тобою пути, словно заблудшие
овцы, уступая ухищрениям и вожделениям
сердец наших. Мы преступали Твои святые
законы...

Но Ты, о Господи, смилуйся над нами,
несчастливыми грешниками... Отпусти каю-
щимся прегрешения их... Даруй им, о Все-
благий Отче, милость Твою, дабы жили
они отныне благочестиво, в праведности
и трезвости, во славу Твою. Аминь.

Из «Всеобщей исповеди»*

---

* «Всеобщая исповедь» (англ. General Confession) — обя-
зательная часть утренней и вечерней службы в англиканской церкви
(см. «The Book of Common Prayer»: «Молитвенник для всех» (букв.
«Книга общей молитвы») — официальный молитвенник и требник
англиканской церкви, впервые издан в правление королевы Елизаветы
I, в 1549 г.; переиздан в период Реставрации, в 1662 г.).

Книга первая
Пятница, 16 сентября —
вторник, 20 сентября

Глава 1

Четвертая жертва Свистуна была самой молоденькой: Валери Митчелл исполнилось всего пятнадцать лет восемь месяцев и четыре дня. Погибла она потому, что опоздала на автобус, отправлявшийся из Истхейвена в Коббз-Марш в 9.40. Как это всегда с ней случалось, она ушла с дискотеки в самый последний момент, хотя танцплощадка была все еще битком набита танцующими: они дергались и извивались в свете вращавшихся прожекторов. Валери высвободилась из тесных объятий Уэйна и, пытаясь перекричать охрипшие динамики, проинструктировала свою подружку Шерл о планах на следующую неделю. Теперь можно было уйти. В последний раз оглянувшись на танцплощадку, она отыскала серьезную физиономию Уэйна: тот увлеченно подпрыгивал и от безумствующих прожекторов по лицу его бежали желто-красно-синие полосы перемежающегося света. Переобуться было некогда. В раздевалке Валери рванула куртку с крючка и бросилась бегом вдоль улицы, мимо темных магазинов к автобусной остановке; раздуваясь сумка, свисая с плеча, неловко толкалась ей в бок. Но выбежав из-за угла к остановке, она с ужасом увидела, что бледный свет высоко вознесенных фонарей падает в пустоту и тишину, а удаляющийся автобус прошел уже почти полпути к вершине холма. Еще можно было его догнать, если бы светофор загорелся красным, и Валери со всех ног бросилась вдогонку. Ноги в легких, на высоких каблуках туфельках подвочивались, а красный свет так и не зажегся. Она

с отчаянием следила, задыхаясь и согнувшись от боли в неожиданно сведенной судорогой ногой, как ярко освещенный автобус медленно и неуклюже взбирается наверх и, словно корабль в пучине, исчезает за вершиной холма.

— Да нет, нет же! — закричала она ему вслед. — О господи, нет! Не-е-ет! — И почувствовала, как слезы отчаяния и гнева обжигают глаза.

Все кончено. В их семье правила устанавливает отец, и никакие просьбы и протесты не помогают. После долгих споров и уговоров ей было разрешено раз в неделю, по пятницам, ходить на дискотеку в молодежный клуб при местной церкви. Но только если она будет успевать на автобус в 9.40. Тогда примерно через час она сойдет с автобуса в Коббз-Марше, у кафе «Корона и якорь», в нескольких шагах от дома. В 10.15 отец обычно начинал поглядывать в окно большой комнаты, где вместе с матерью они сидели перед телевизором, не задергивая штор: ждал, не идет ли мимо дома автобус. И в любую погоду, какой бы интересной ни была программа, отец надевал пальто и шел к остановке так, чтобы ни на минуту не упустить дочь из виду. С тех пор как стало известно об убийствах, совершаемых Свистуном из Норфолка, эта домашняя тирания — не очень, правда, жестокая — получила дополнительные основания. Валери понимала, хоть и не вполне четко, что отец не только считает такую строгость по отношению к единственной дочери оправданной, но и наслаждается ролью сурового родителя. Конкордат между отцом и дочерью был заключен очень давно: «Ты со мной по-хорошему, дочка, и я с тобой по справедливости». Она любила отца и побаивалась, но гнева его страшилась по-настоящему. Сейчас ее ждал дома грандиозный скандал, и она знала, что не смеет даже надеяться на заступничество матери. Все кончено: не будет больше встреч с Уэйном и Шерл по пятницам, придется распрощаться и со всей остальной компанией. И так все уже поддразнивали и жалели ее, оттого что дома с ней обращались как с малым ребенком. Теперь унижению не будет конца.

Первым ее побуждением было схватить такси

имела, где тут стоянка, да и денег у нее не хватит — в этом она была совершенно уверена. Можно было бы вернуться на дискотеку, спросить у Шерл, и Уэйна, и у других из их компании — может, скинувшись, они смогут одолжить ей столько, чтоб хватило... Но Уэйн был вечно на мели, а Шерл скуповата, и пока она будет им объяснять да уговаривать, станет совсем поздно. И тут внезапно пришло спасение. Загорелся красный свет, и машина, шедшая последней за четверьмя другими, замедлила ход и остановилась. Валери обнаружила, что смотрит прямо в открытое левое окно на двух пожилых дам. Она схватилась рукой за опущенное стекло и произнесла, задыхаясь:

— Вы не могли бы меня подвезти? Куда-нибудь поближе к Коббз-Маршу? Я на автобус опоздала. Пожалуйста!

Ее отчаянное «пожалуйста» никак не тронуло даму за рулем. Дама глядела вперед, на дорогу, и хмурилась, потом покачала головой и отпустила сцепление. Но ее спутница, поколебавшись мгновение, посмотрела на Валери, перегнулась через спинку сиденья и открыла заднюю дверцу:

— Садись, быстро! Мы едем в Холт. Можем высадить тебя на перекрестке.

Валери забралась на заднее сиденье, и машина тронулась. Они по крайней мере ехали в нужном направлении, и ей понадобилась всего пара секунд, чтобы составить план действий. От перекрестка у Холта до автобусной остановки идти не больше полумили. Она как раз попадет на свой автобус и проедет одну остановку до «Короны и якоря». Времени вполне хватит: автобус будет еще крутиться по деревням минут двадцать. Дама за рулем впервые подала голос.

— Разве можно ночью просить незнакомых людей тебя подвезти? — сказала она. — А мама твоя знает, где ты и чем занимаешься? Родители в наши дни совсем, видно, разучились справляться с детьми.

«Ну вот, размычалась, корова, — подумала Валери, — ей-то, дуре старой, что за дело, чем я занимаюсь». Она и от учителей в школе не стала бы терпеть таких замечаний. Но пришлось проглотить обиду, хоть грубость — типичная подростковая реакция на критику взрослых — так и свалась с языка. Надо ведь доехать с этими

старыми гримзами до перекрестка. Не испортить им настроения. И она ответила:

— Я должна была успеть на автобус в 9.40. Папа меня просто убил бы, если б знал, что я попутку ловлю. Я б и не просила подвезти, если б вы были мужчиной.

— Очень надеюсь, что это так. И твой папа совершенно прав, что держит тебя в строгости. Времена для молодых девушек сейчас опасные, я про Свистуна уж и не говорю. Где именно ты живешь?

— В Коббз-Марше. Но у меня дядя с тетей в Холте живут. Если вы меня у перекрестка высадите, дядя сможет меня до самого дома довезти. Они рядом с перекрестком живут. Ничего со мной не случится, если вы меня там высадите, правда-правда.

Она солгала и глазом не моргнув, и они так же легко поверили ей. За всю дорогу никто не произнес больше ни слова. Валери сидела, поглядывая на седые, коротко стриженные затылки, следя за движениями рук на руле машины — морщинистых, в старческой гречке. Сестры небось, подумала она, похожи очень. Первого взгляда ей вполне хватило: она успела рассмотреть одинаковые, почти квадратные головы, одинаково упрямые подбородки, одинаково приподнятые брови над сердитыми, возмущенными чем-то глазами. Поругались, видно, решила она: какое-то напряжение чувствовалось между этими двумя, оно словно дрожало в воздухе. Она вздохнула с облегчением, когда та, что сидела за рулем, по-прежнему не произнося ни слова, затормозила у перекрестка. Валери выбралась из машины, пробормотав слова благодарности. Девушка смотрела им вслед, пока машина не скрылась из виду. Эти две женщины были последними, кто видел Валери живой и невредимой. Впрочем, нет. Кроме них, был кто-то еще.

Она присела на обочине и сменила нарядные туфельки на уличные: родители требовали, чтобы в школу Валери ходила в уличных туфлях. Потом с облегчением вскинула на плечо ремень отощавшей сумки и двинулась прочь от Холта к автобусной остановке. Дорога здесь была узкая и темная, без фонарей. Справа по краю стояли деревья, их вершины казались вырезанными из чер-

ного картона и наклеенными на усыпанное звездами небо. Слева, по той стороне, где она сейчас шла, дорогу окаймляла неширокая полоса кустов, местами таких густых и высоких, что дорога совсем пропадала в их тени. До сих пор Валери испытывала лишь всепоглощающую радость оттого, что не надо больше беспокоиться, все теперь будет хорошо. Она приедет на том же самом автобусе. Однако, когда она оказалась в непривычной, пугающей тишине на темной дороге, где ее шаги звучали так противоестественно громко, ее охватило беспокойство совершенно иного рода: предательски подкрался страх, и Валери неожиданно ощутила в сердце его первые уколы. Теперь, узанный и признанный, страх завладел всем ее существом и, развернувшись в полную силу, перерос в непреодолимый ужас.

По дороге шла машина, огни ее приближались, одновременно являя собой и символ нормальной, шедшей своим ходом жизни, и грозную опасность: все знали, что у Свистуна должна быть машина, иначе как он может совершать эти убийства на таком расстоянии одно от другого, как успевает исчезнуть потом, когда завершит свое ужасное дело? Она отступила к кустам, пытаясь укрыться в их густой тени, забыв обо всех прежних страхах, вытесненных этим новым, куда более сильным. Послышался нарастающий шум, словно шум моря, кошачьи глаза фар мелькнули и исчезли, и в порыве ветра машина промчалась мимо. Валери осталась одна в тишине и темноте. Но одна ли? Она не могла отделаться от мысли о Свистуне: слухи, правда и выдумки — все сплелось в ужасающую реальность. Он душил женщин, известны уже три жертвы. Он обрезал убитым волосы и засовывал их беднякам в рот; волосы торчали у них изо рта, как солома из чучела Гая Фокса пятого ноября*. Мальчишки в школе, высмеивая

---

* Гай Фокс — глава «Порохового заговора» (5 ноября 1605 г.) с целью убийства короля Якова I, прибытия которого на заседание парламента ждали заговорщики. Под здание парламента подложили бочки с порохом. Заговор был раскрыт, и с тех пор в Англии отмечают этот день сожжением чучела Гая Фокса и фейерверком.

Свистуна, прятались в кладовке для велосипедов и свистели там — ведь все говорили, что он свистит над телом убитой им женщины. Тебя-то Свистун уж точно поймают, кричали они Валери вслед. Он мог оказаться где угодно. Он выходил на дело по ночам. Он мог быть сейчас здесь. Ей захотелось вдруг упасть, вжаться в пахучую землю всем телом, спрятать лицо и зажать руками уши, лежать не шевелясь до утра. Но ей удалось справиться с охватившей ее паникой. Нужно дойти до угла и попасть на автобус. Валери заставила себя выйти из-за кустов и снова, теперь почти бесшумно, зашагала по дороге.

Ей хотелось броситься бегом, но она сдержала себя. Ведь это существо, человек оно или животное, что прячется где-то в кустах, уже учуяло ее страх и только и ждет, чтобы она поддалась панике. Вот тогда она и услышит, как трещат, ломаясь, кусты, как грохочут тяжелые шаги, почувствует на шее у затылка неровное жгучее дыхание. Нельзя бежать. И она шла, быстро и бесшумно, покрепче прижав сумку, едва дыша, не сводя взгляда с дороги перед собой. Молилась на ходу: «Господи, пожалуйста, сделай так, чтоб я спокойно добралась до дома, я никогда больше не стану лгать. Я буду уходить вовремя. Помогите мне благополучно дойти до угла. И пусть автобус побыстрее придет. О Господи, помогите мне, пожалуйста!»

И тут свершилось чудо: ее молитва была услышана. Совершенно неожиданно, буквально шагах в тридцати впереди нее, показалась женщина. Валери даже не задумалась, откуда так таинственно и внезапно возникла стройная фигура, медленно идущая по дороге. Довольно было того, что она здесь. Когда, ускорив шаги, Валери почти нагнала ее, она разглядела ниспадающую на плечи женщины волну светлых волос, плотно сидящий на голове берет и короткий широкий плащ, перетянутый в талии поясом. А следом за женщиной, вселяя в душу спокойствие и уверенность в полной безопасности, трусила маленькая кривоногая собачка. Можно вместе дойти до угла. Может даже, эта девушка собирается ехать тем же автобусом. Валери чуть не крикнула ей: «Я иду, иду!» — и бросилась бегом, торопясь почувствовать

себя в безопасности, словно ребенок, спешащий укрыться в объятиях матери.

А женщина в этот момент наклонилась и спустила с поводка собаку. Песик, словно выполняя неслышную команду, исчез в кустарнике. Женщина лишь на мгновение обернулась, бросив взгляд назад, на дорогу, и спокойно ждала, стоя вполоборота к Валери, в правой руке ее свободно повис поводок. Валери только что не уткнулась в спину поджидавшей ее женщины. И тогда та медленно повернулась. Это было мгновение абсолютного, парализующего ужаса. Валери увидела бледное, напряженное лицо — вовсе не женское, — улыбку, странно растянувшую губы, — зовущую, почти молящую улыбку, и безжалостные горящие глаза. Валери попыталась закричать, раскрыла было рот, но страх лишил ее голоса, да она и не успела бы крикнуть. Взмах руки — и горло ее захлестнул тугой петлей собачий поводок, а затем ее поволокло, потянуло с дороги прочь, в густую тень кустов. И Валери почувствовала, что падает куда-то сквозь время, сквозь пространство, сквозь страх, бесконечный, как сама вечность. А над ней, прямо над ее лицом, — другое, пышущее жаром лицо, и она смогла еще расслышать запах алкоголя, и пота, и страха, не меньшего, чем ее собственный страх. Рывком она вскинула вверх руки, но они лишь бессильно приподнялись в пустоту и снова упали. Мозг ее, казалось, вот-вот разорвет череп, боль в груди распустилась в огромный алый цветок и взорвалась беззвучным, бессловесным криком: «Мама, мамочка!» И не стало больше ни страха, ни боли, только милосердная, всепоглощающая, несущая забвение тьма.

Глава 2

Четыре дня спустя Адам Дэлглиш, начальник одного из отделов Скотланд-Ярда, продиктовал секретарше последнее письмо, покончил с бумагами по разделу «входящих», запер ящик стола, набрал шифр и захлопнул дверцу личного сейфа. Теперь Дэлглиш был готов отправиться в двухнедельный отпуск в Норфолк, на побережье. Он устал, давно пора было отдохнуть. Но запоздав-

ший отпуск не сулил спокойного отдыха: в Норфолке были дела, требовавшие серьезного внимания. Два месяца назад скончалась тетушка Дэлглиша, последняя из его родных, и оставила ему все свое состояние и дом. Дом — перестроенная ветряная мельница — находился на северо-восточном побережье Норфолка, в Ларксокене. Состояние неожиданно оказалось весьма значительным и принесло с собой множество нерешенных проблем. Мельница же представляла собой наследство не слишком обременительное, но и здесь все было не так-то просто. Дэлглиш чувствовал, что ему надо пожить на мельнице одному неделю-другую, прежде чем решить, что с ней делать — продать, оставить себе и наезжать временами в отпуск или передать за номинальную цену норфолкскому Обществу охраны ветряных мельниц. Он знал: это Общество с готовностью восстанавливает такие мельницы, возвращая их в рабочее состояние. Кроме того, остались семейные бумаги и документы, тетушкины книги, обширная библиотека по орнитологии. Все это нужно было разобрать, привести в порядок и решить, что со всем этим делать. Но Дэлглиш думал об этом с удовольствием. Еще в детстве, мальчишкой, он терпеть не мог бесцельно проводить каникулы. Правда, ему и представить было трудно, откуда, в результате какой детской провинности и чувства вины или ложно понятого долга родился и вырос этот странный мазохизм, с годами предъявлявший ему все более и более непререкаемые требования. Дэлглиша радовало, что в Норфолке ему будет чем заняться еще и потому, что он понимал: поездка в Норфолк — что-то вроде бегства. После четырех лет молчания его новый сборник стихов «“Как ответить?” и другие стихотворения» вышел из печати и был встречен критиками довольно шумно. И хотя критика эта неожиданно оказалась благожелательной, он обнаружил, что с трудом переносит внимание журналистов, как, впрочем, и интерес широкой публики. Он привык к тому, что после особенно громких дел о раскрытых им убийствах пресс-центру столичной полиции обычно давалось указание оградить Дэлглиша от излишней известности. У издательства же на этот счет были

явно противоположные взгляды, и Дэлглиш откровенно радовался возможности удрать от издателей, критиков и восхищенной публики хотя бы недели на две.

Он успел заранее попрощаться с инспектором Кэйт Мискин: сейчас ее уже не было в управлении — она расследовала очередное дело. Главный инспектор Мэссингем получил командировку на курсы переподготовки в Брамсхиллский полицейский колледж, сделав, таким образом, новый шаг по тщательно намеченному пути наверх, к получению шнура главного констебля. Поэтому Кэйт временно занимала его место в спецотделе в качестве заместителя Дэлглиша. Адам зашел в ее кабинет — оставить записку с летним адресом. Здесь было, как всегда, очень чисто и аккуратно, все выглядело по-деловому разумно, было продумано до мелочей и все-таки впечатляюще женственно. На стене — единственное украшение: картина маслом, собственное творение Кэйт. Абстрактная живопись, вихрь коричневых тонов, пронизанных тонким лучом ядовито-зеленого. Чем чаще всматривался Дэлглиш в этот этюд, тем больше он ему нравился. На ничем не загроможденном столе стояла прозрачного стекла вазочка с фрезиями. Их аромат, сначала как будто неуловимый, вдруг донесся до Адама, усилив впечатление ее присутствия, физического присутствия в пустой комнате, впечатление странное и всегда более сильное, чем если бы Кэйт действительно сидела за столом и работала. Он положил записку на девственно чистый лист промокательной бумаги, покрывавшей стол, на самую его середину, и улыбнулся, заметив, что закрывает дверь с ненужной осторожностью. Теперь осталось только заглянуть в компьютерную, сказать словечко на прощание, и можно шагать к лифту.

Двери лифта уже закрывались, когда Дэлглиш услышал топот бегущих ног, веселый возглас, и Мэнни Каммингс вскочил в кабину, едва увернувшись от стальных челюстей сомкнувшихся створок. Как всегда, Каммингс весь бурлил от переполнявшей его энергии; казалось, стены лифта не смогут удержать этот энергетический вихрь внутри кабины. Каммингс помахивал большим конвертом из плотной коричневой бумаги.